

Пролетарии всех

355/3 52

БИБЛИОТЕЧКА
АГИТАТОРА И
ПРОПАГАНДИСТА

Л 26
Р 36807.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

НЕОПРОШЕННЫЕ СВИДЕТЕЛИ



ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»

Пенза

1945

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

НЕОПРОШЕННЫЕ СВИДЕТЕЛИ



ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»
Пенза 1945

В Дрездене, в бывшем замке гофмаршала фон-Шток Хаузена, меня познакомили с двумя девушками, бывшими узницами Освенцима,—Валентиной Кутиловой и Женей Брук. Встреча состоялась при входе в главные апартаменты замка. Четыре статуи—Наполеона, Фридриха—короля Пруссии, Шекспира и Вагнера—смотрели на нас. В простенках висели рога туров, убитых, может быть, самим фон-Штоком, а может быть, последующими владельцами — коммерции советником Линднером или одним из акционеров фирмы Лео Верке, изготавливающей известную зубную пасту „Хлородонт“.

Бывший управляющий замком, сухой и хитроватый немец в тирольской шляпе с зеленым перышком, услужливо изогнувшись, об'яснял нам историю замка. Конечно, в свидетели были привлечены и мраморные Вагнер и Шекспир.

Валя Кутилова, высокая, строгая девушка, недоверчиво смотрела на немца. Женя Брук переводила на русский язык то, что он говорил. Ей казалось непонятным, зачем нам знать историю этого ординарного замка, зачем набивать голову ненужными биографическими подробностями о его владельцах. Мы оставили немца и вышли в парк. Золотые листья берез и кленов лежали на срезанной специальными садовыми машинками траве. Цвели георгины и хризантемы. В дымке южной осени на той стороне Эльбы виднелись полуразрушенные готические шпили разваленного бомбардировкой Дрездена. На мраморной лестнице стоял часовой-казак с автоматом. Нам сказали, что боец-казак начинал свою боевую службу в тяжелую сталинградскую зиму 1942 года. Теперь он по-хозяйски стоял на лестнице гофмаршальского замка, и над ним, выше столетних вязов было поднято красное знамя.

— Как все стало просто и ясно, — сказала Валя Кутилова, прихмуривая брови, — как будто ничего с тобой и не было. И все прожитое — ужасный сон. С 1941 года по 1945 год — вне родины.

Сколько оскорбительного отношения, сколько издевательств! Если сказать правду, я не боялась физических страданий, я даже призывала их, но я не выносила, когда каждый вот на этой земле, каждая нечисть могла топтаться в моей душе. Легко было потерять человеческое достоинство, не трудно было и продаться им. Вот такому старику, как тот управляющий, или похожему на него. Вы были в Люнебурге. Вы видели на скамье подсудимых Крамера, это — наш бывший лаг-рфюрер Аушвитца, видели Борман, Гесслера, Клейна... Как бы мы хотели посмотреть на них сейчас, как они выглядят, как они теперь ведут себя. Мы с Женей просились, чтобы нас допустили на судебный процесс в Люнебурге, как только узнали, что Крамер пойман англичанами. Но, очевидно, обойдутся и без нас.

— Вы были в Освенциме?

— Да.

Валя закатала рукав кофточки. На левой руке была вытатуирована цифра „58287“.

— Пожизненный знак Аушвитца, — сказала Валя, — в концлагере имя и фамилия забывались. Оставался только но-

мер, и все. Мне сказали, что татуировку можно каким-то химическим способом вытравить. Пока не хочу этого делать... Хочу показать это своей маме, если только она жива...

У Жени Брук на руке были вытатуированы номер „50176“ и треугольник. Треугольник—знак национальности.

— Я прибыла в Аушвиц немного раньше Вали,—сказала Женя,—поэтому у меня номер поменьше. Перед Освенцимом я успела побывать в гамбургской тюрьме „Фюль тбюттель“, в берлинской тюрьме на Александерплац и в знаменитом концлагере Равенсбрюк, под Берлином.

II.

Двадцать один год назад в двух разных частях Европы две матери — русская и немка—родили двух девочек. Одна из них, рожденная под Ленинградом, была названа Валентиной, вторая, окрещенная в лютеранской кирке, получила имя Ирма. Шли годы. Девочки подрастали, учились. Валя ходила в школу по тропке над болотистой речкой. Ирму по асфальтовой дорожке возила в школу сухая, постная немка с сильными но-

гами, натренированными на велосипедной езде. Поэтому Ирма приобрела собственный велосипед и на нем каждое утро отправлялась на курсы сестер милосердия, а Валя поездом прибыла в город Пушкин, поселилась в общежитии и начала учиться в сельскохозяйственном техникуме. В то время, когда будущий лагерный врач Кениг показывал белокурой Ирме, как потрошить подопытного кролика, светловолосая русская девушка Валя разрыхляла руками грядки на опытном поле, увлекалась опытами чудесного садовода Мичурина, проводила селекцию растений, готовилась стать агрономом. Она любила Островского, его книги „Как закалялась сталь“, „Рожденные бурей“, читала стихи Пушкина, подолгу бродила по аллеям царскосельских дворцов. Прошрое и настоящее гармонично увязывались в этой светловолосой, высокой девушке. Она понимала, вращалась в то, что называется словом Родина. Она умела веселиться, танцевала, любила наряды, внимательно осматривала после вечеринок подошвы туфель и, протирая обувь суконкой, прятала в фибровый чемоданчик.

Говорят, Ирма в детстве была богобоязненной и часто посещала кирку. Воспитанная в духе гитлерюнг, она все реже и реже обращалась к богу. Постепенно все заменяла толстая, хорошо изданная в Лейпциге книга с фотографией фюрера на супер-обложке. Сумасшедше злые, водянистые глаза, нервно пульсирующие на висках жилки, плотно сжатые губы . . .

Подобной ему постепенно становилась немецкая девушка Ирма. Ей намекнули: почему бы не вступить в „СС“? Найдется подходящая работа. Ирма не колебалась и принесла торжественную присягу. Черный бархатный воротник ее нового мундира любовно осматривали домашние, поздравляли. Мать несколько осторожно пододвигала дочке тарелку с кроличьим рагу. Теперь мать не только гордилась, но и несколько боялась своей дочки. Она, конечно, не могла еще предвидеть, что когда-то весь мир назовет ее дочь „белокурой бестией“, но расчетливая немецкая мамаша знала—дочка пойдет далеко.

Ирме предложили работу в концентрационных лагерях, и она охотно согласилась. Плотно сжав узкие губы и зачесав

вверх волосы, надзирательница „СС“ Ирма Грезе появилась на лагерштрассе с пистолетом на бедре, с резиновой палкой или плеткой, висевшей на руке, на ременной браслетке. К ней сразу же пришла жестокость. Она не привыкала, не страдала. Еще будучи сестрой милосердия, она изучала анатомию женщины и поэтому знала, где можно ударить. Глупцы применяли, когда надо и когда не надо, оружие. Зачем? Белокурая Ирма умело наносила удар резиновой палкой, и жертва без стога падала к ее ногам. Это она называла: „Наказать без применения оружия. Действовать холодным способом“. Ирма любила хорошую обувь, хемницкие чулки, даже сейчас, в тюрьме, она одета лучше всех своих товарок. Она любила ухаживать за своими волосами. Но Ирма требовательно следила, чтобы все женщины, переступившие порог лагеря, были острижены наголо, и обычно сама присутствовала, когда ножницы отхватывали косы ее пленниц и когда волосы туювались и маркировались для отправки на германские фабрики. Ирме нравилось обезобразить красивую девушку, выбить ей зубы или рассечь лицо до шра-

мов. Часто она заходила в „ривер“ — больничный блок, там были устроены трехэтажные койки. На каждой из них, рассчитанной на одного человека, лежали три или четыре обязательно голых женщины. Ирма выискивала тех, кто наиболее жаждет жизни, тех, кто пытался обратиться к ней за помощью, и, улыбаясь, не разжимая губ, брала клещи с длинными ручками, хватала несчастную жертву за соски и буквально вытаскивала с койки. Ирма делала знак глазами, и больную отправляли на ссужение.

Так выращивалось чудовище, брошенное в термостат гитлеризма. Крамер, начальник Грезе, ездивший в Берлин к Гиммлеру за получением ордена — креста второго класса „За военные заслуги“, сказал Ирме: „Там тобой довольны, малютка“.

III.

И вот пришло время встретиться двум девушкам.

Генерал Иодль по заранее разработанному плану начертил путь движения охватывавшей группировке немецких войск левого фланга Восточного фронта.

Тогда каменный Бисмарк стоял на своем холме в Гамбурге, окруженный еще целыми домами, и смотрел на оживленный порт, взброженный шедшими в восточный поход подводными лодками гроссадмирала Деница. Тогда было весело в Гамбурге, и пьяные матросы, после побитые у Керчи, на Херсонесе, или у Мурманска нашими моряками, распевали новую песенку: «Ой, Вили, друг! Лови подруг! Гащи их в рай! Бахчисарай, Бахчисарай!» Немцам было не до каменного, озабоченного железного канцлера, предупредившего в свое время лихих соотечественников не соваться в Россию. Немцы шли завоевывать и грабить наши земли, уничтожать Санкт-Петербург, негодный ни фюреру, ни его финским союзникам.

Движение германских войск отразилось на судьбе русской девушки Вали Кугиловой. Ее семья спешно выехала из своего Раутовского района. Последняя телеграмма, посланная родителями дочери, была помечена 17 августа, из Штиссельбурга: «Выехали на восток по Марининской системе».

Немцы подходили к городу Пушкину. Несколько раз Валя добровольно ходи-

ла в разведку, просачиваясь под видом беженки через линию фронта. Она помогала Красной Армии, как могла. На этой опасной работе она познакомилась с хорошей девушкой Еленой Якушевой, ленинградкой. Схваченные немцами в общем потоке беженцев две девушки были отправлены в Кингисепп. Валя и Лена бежали из Кингисеппского лагеря, решив прорваться через линию фронта к Ленинграду. Их задержали. Предатель из техникума, где училась Валя, некто Колтышев, пригрозил своей ученице выдачей и зачислил в так называемый караван восточных рабов, куда вербовщики — цивильные немцы подбирали здоровых девушек и девочек, начиная с двенадцатилетнего возраста. В закрытых товарных вагонах караван проследовал в Австрию. В 16-м районе Вены, в карантинном лагере восточных рабов, расположенном в низинке возле железной дороги, девушек продержали полтора месяца. Ежедневно в бараки приходили специально приставленные работорговцами надсмотрщики, проверяли заключенных, осматривали. Девушек кормили, следили, чтобы никто не терял в весе. Когда карантин окончился, двор лаге-

ря чисто вывели, полторы тысячи девушек были выведены из бараков и построены в две шеренги. Валя потеряла свою подругу Якушеву. Ее оставили в тюрьме, в Вильно. В пути Валя сдружилась с киевлянкой Тамарой Ермаченко, красивой украинской дивчиной, и полюбила ее за правдивость и твердость характера. Догодавшись, что их привезли на работу, Валя и Тамара организовали группу из 52 человек, решивших отказаться от любой работы. Они знали, что родина мобилизовалась для борьбы с врагом, что родине приходится очень тяжело и все сделанное руками советских людей для Германии помсгает немцам в борьбе против родной страны. Свое решение девушки скрепили клятвой и, расцеловавшись, вышли во двор на поверку.

Хозяин, тот, который их купил и привез сюда, прошелся по рядам и сказал, что сейчас придут жены немецких офицеров и бауэры, чтобы забрать на работу. „Держите себя прилично и постарайтесь понравиться. На кого сегодня падет выбор, тому будет получше. Остальные пойдут на заводы, и там будет похуже...“

Во дворе был поставлен стол-конторка, раскрыты расчетные книги. Откры-

лись ворота. Во дворе появились немцы. Жены военных приходили с отцами, с детьми. Девушек ощупывали, заставляли показывать зубы, осматривали тело. Бауэры, приехавшие на повозках или автомобилях, заставляли бегать, поднимать тяжести. Вербовщики расхваливали свой товар, исподтишка совали кулаками в бока девушек, щипали или щекотали, чтобы вызвать на лице пленниц улыбки. Бауэры покупали по три, по пяти, а иногда и по десяти человек. Тут же оформлялась сделка. В конторке получали деньги, часто торговались и спорили, как на рынке. Беззастенчивый торг шел до самого вечера. Покупали наших колхозниц, звенье-вых, участниц всесоюзных соревнований, студенток, школьниц. Их покупали, как рабочий скот, и, плачущих, раз'единенных с землячками, с подругами, сажали на повозки или грузовики и увозили.

Группа, организованная Кугиловой и Ермаченко, вела себя так с покупателями, что из них никто не пришелся по вкусу. Под вечер рассерженные „хозяева“ загнали их палками в бараки. Ночь прошла тревожно. Ранним утром оставшихся девушек выгнали во двор и бы-

стро, очевидно, по заранее договоренным ценам, распределили по предприятиям. Валя и Тамара и еще несколько человек из группы попали на стекольный завод „Симпери“. Твердо выполняя свою клятву, девушки отказались выйти на работу. Администрация вызвала агентов гестапо.

— Вы почему не хотите работать? — спросили Валю.

— Потому, что вы воюете против моей страны, против СССР, и я не хочу помогать вам...

Также ясно и просто ответила Тамара.

— Вожаки, — сказал один из агентов гестапо. — Арестовать!

Валю и Тамару посадили в тюрьму. Вызывали на допросы. Их били резиновой палкой, били кулаками. Всегда, при каждом допросе, били до тех пор, пока лица допрашиваемых не заливались кровью. У девушек были длинные волосы. Следователь наматывал косы на кулак и ударял головой о стенку.

Сейчас в разных заграничных газетах говорят о якобы стоическом поведении Ирмы Грезе на люнебургском процессе. Еще бы: она просиживает на скамье подсудимых целых шесть часов. Действительно, подвиг!

Четыре месяца в тюрьме. Сто двадцать суток—допросы, побои, издевательства. Валою и Тамару в конце концов решили отправить в лагерь смерти, в самый страшный лагерь Аушвиц-Биркенау. Во главе лагеря стоял старый эсэсовец, мюнхенец—Иозеф Крамер, один из коричневых молодцов, проложивших пистолетами и кинжалами дорогу Гитлеру к власти. Вместе с Крамером „работала“ спаянная шайка убийц и садистов—пятидесятивосьмилетний „доктор“ Клейн, Таубер—еще поныне не пойманный убийца женщин и детей, Ирма Грезе, перекочевавшая из концлагерей Центральной Германии в Польшу, Борман—в начале заведующая складом одежды, снимаемой с убитых, а затем главная надзирательница, Гесслер—начальник женского отделения лагеря, преступник № 5 на люнебургском процессе, надзирательница Дрекслер, „доктора“ Кениг, Менгеле...

IV

Заключенных везли в тюремных вагонах Мужчины были скованы. В коридорах прогуливались специально адресированные овчарки. Эшелон увеличился в

Брно и в Бреслау. В Аушвитц привезли ночью 1 сентября 1942 года. Шел дождь с мокрым снегом. Заключенных встретили эсэсовцы с собаками. Выстроили пересчитали и повели по широкому шоссе, через мост. Темно, грязь. Вышедших из рядов или отстававших кусали собаки Валя и Тамара шли рядом, тесно прижавшись друг к другу. Вместе с ними шагали женщины из Чехословакии, Югославии, Болгарии. Все они могли шопотом переговариваться на языке, родственном им всем. И вот все увидели на далеком еще расстоянии большую освещенную площадь. Казалось, это большой и красивый город, возникший в темноте ненастной ночи. Послышался шопот в рядах: „Аушвитц! Аушвитц!“ Но ведь в Аушвитце их сгрузили, значит, это не Аушвитц.

Приблизившись, они увидели лампы на столбах, бараки и вышки с часовыми. Хотя колючая проволока была замаскирована, все догадались—лагерь. Колонна остановилась у барака, расположенного направо после входной арки. Пока никто не знал, что предстоит им впереди.

— Все же лучше, чем в гестаповской тюрьме, — сказала Валя Тамаре, — как-нибудь переживем.

Колонновожатый постучал в окошечко барака. Вскоре оттуда вышла молодая, красивая, как показалось Вале, стройная, белокурая женщина, одетая в военную форму „СС“—мундир с галстуком, юбка-клеш, пилотка, пистолет. Женщина на-смешливыми и пытливо-строгими глазами оглядела близко стоявших заключенных, остановила взор на Вале и Тамаре.

— Цуганг (новоприбывшие)?

— Да, — ответил вожатый колонны.

— Документы!

— Вот документы.

— Ишь, сколько приперли всякой швали, — презрительно выдавила эсэсовка, одновременно пытливо наблюдая за лицом Вали, стоявшей близко возле нее.

На девушке были резиновые боты на голых ногах с подвязанными проволокой подошвами, и рубище — остатки платья.

— Я ненавидела в тот момент эту сытую немку. Злоба душила меня, — вспоминала Валя сейчас при нашей беседе в Дрездене. — Мне хотелось броситься на нее, ударить или дико закричать, чтобы слышали все в этих страшных, молчаливых бараках, что пришли мы, новые, неизвестные им. Чтобы проснулись бараки, зашумели люди. Тамара больно сжа-

ла мне руку и я опустила глаза. Немка усмехнулась, махнула бумагой, и нам открыли ворота. Мы зашлепали своими замерзшими ногами по жидкой, студеной грязи.

V

Подсудимая № 9 Ирма Грезе может и не помнить русскую девушку, приведенную к ней в лагерь под охраной эсэсманов и немецких овчарок. Слишком много жертв прошло через кровавые руки Ирмы. Но ее помнят десятки тысяч людей, все эти узники с обмороженными ступнями и в рубищах, проходившие мимо сторожевого барака Аушвитца.

В бараке, где ничего не было, кроме деревянных табуреток, девушки провели остаток ночи. На полу валялись заключенные, которые рассказали вновь прибывшим о том, что здесь травят людей в газовых камерах, сжигают в крематориях и на кострах.

Утром девушек вывели из барака и повели в „баню“. По лагерштрассе на мотоцикле мчалась старуха в эсэсовском мундире и что-то кричала. Заключенные женщины, одетые в оборванные

полосатые платья, в деревянных башмаках, с руками, перевязанными грязными бинтами, в ужасе убегали от старухи.

— Борман! Борман!—кричали они. — Прячьтесь, кто может!

За Борман неся рыжий, огромный пес с обвисшими ушами — „Штрольх“. С какими-то зловещими криками, все время науськивая пса, старуха укатила через ворота.

В „бане“, холодном сарае, девушкам приказали раздеться догола. Пятнадцать эсэсовцев с закатанными рукавами выкалывали особыми приборами, похожими на самопишущие ручки, номера на руках вновь прибывших, немного пониже локтевого сгиба. Предвидя сопротивление, при совершении процедуры заключенных держали за руки здоровенные солдаты „СС“. Вся операция проходила под грубый хохот эсэсовцев. Площадные непристойности отпускались на всех языках. Здесь же ножницами и машинками девушек остригли догола. На пол упали волнистые, черные косы Тамары и русые волосы Вали. Пять минут под холодным душем. На голое тело набрасывали рваное полосатое платье, на ноги — башмаки на колодках.

Отныне забывалось имя, фамилия — только номер.

В карантинном блоке, на нарах, подобии больших ящиков, прибитых к стене, спало по двенадцать человек. Приниженные, оскорбленные, еще не понимая, за что им такое и что дальше, притихли Валя и Тамара. Возле них приютилась девушка из Волчанска Шура Шкурко, бывшая студентка медицинского техникума, так же категорически отказавшаяся работать на немцев. В ящике были еще русские девушки и югославки, захваченные карательными отрядами при массовых облавах в партизанских районах Югославии.

Югославки искали поддержки у русских, и надо отдать справедливость русским девушкам, они были примером для многих. Русские сумели создать даже в этих чудовищных условиях подпольные политические группы, активно развивали работу „солидаритета“ (взаимопомощи). Женщины были связаны с мужским лагерем и оттуда получали газеты. Однажды достали даже старую „Правду“, отмечали революционные праздники, проводили тайные политзанятия. „Солидаритет“ поставил

целью поднять моральные силы заключенных, помочь физически, не допускать людей до страшного состояния безразличия. Лагерные организации зрели, крепи, несмотря на террор. Не терялась связь с внешним миром. Вновь брошенные в лагерь узники приносили свежие известия оттуда, с воли. Известия распространялись всякими путями.

Героическая борьба Красной Армии поддерживала силу духа. Слава ее росла не только на полях сражений на Восточном фронте. Ее слава росла в блоках Аушвица, Равенсбрюка, Дахау, Бухенвальда. В последние дни, когда спешно взрывались крематории и перемалывались кости сожженных, люди обнимали друг друга и повторяли, как пароль: „Жуков приближается“. „Маршал Жуков начал наступление!“

VI.

Ежедневно в любую погоду в лагере проводилась вечерняя и утренняя переключка — „аппель“. На „аппеле“ всех строили в ряды по пять с интервалами между сотнями, чтобы надзирательницам было легче считать. Утренние

„аппели“ продолжались меньше, надо было гнать на работу. Вечерние же могли продолжаться всю ночь и, как правило, до 12 часов ночи. На „аппеле“ проводилась селекция, отбор „в газ“ и „в камин“. Приходил высокий, очень худой Таубер, прозванный заключенными „семиголовым“, иногда с доктором Клейном. Таубер проходил между рядами с какой-то страшной, мертвой улыбкой и, указывая пальцем на ту или другую женщину, говорил: „Ком хер“, (иди сюда). Два слова, сказанные бесстрастным, резким голосом, означали что те, на кого упал выбор Таубера, будут сожжены.

Женщины, отобранные Таубером, оставались, остальным подавалась команда, и они шли рядами, босиком, под отрывистые крики: „Линке, линке“ (лево). Иногда играл оркестр. Женщины, одетые в синие юбки и белые кофточки, дули в трубы, били в барабаны. Иногда заключенные видели „самого“ Крамера. Он стоял, скрестив мохнатые руки на груди, и еще громче, яростней выкрикивалось: „Линке“, „линке“, „линке“. Слово, за которым следовал часто удар палки или кулака, слово, заставлявшее

узников Освенцима кричать даже во сне, ночами.

Заключенные вырывали камыш, который никому не был нужен. Но работа придумывалась для того, чтобы зимой загонять в ледяную воду женщин, простуживать их, оттаскивать в „ривер“ — больничный блок, а оттуда в крематорий.

Однажды за „недисциплинированность“ во время „аппеля“ были наказаны женщины блока. Наказание придумал Крамер. Вдоль улицы выстроились надзирательницы во главе с Грезе с резиновыми дубинками в руках. Женщин заставляли бежать колонной с четырьмя кирпичами в руках мимо надзирательниц, которые били пробежавших узниц по головам и спинам палками. Кто падал, отбирался „в газ и камин“. Тогда уже крематории, сделанные по патенту одной немецкой фирмы в Саксонии, работали круглосуточно. Прибывающие транспорты с заключенными встречались музыкой. Ничего не подозревающие люди выходили из вагонов и, отмеченные крестообразным взмахом руки Крамера, направлялись прямо на сожжение. Это называлось у него „огнен-

ный карантин*. Нехватало крематориев, — сжигали на кострах, в ямах. Там горели дрова, кокс и люди. В ямах сжигали живых людей. Так показывают и Валя Кутилова, и ее подруга Женя Брук. Ночью они видели на фоне красного неба, как человеческие тела, бросаемые в костры, описывали полукружия.

Огненный карантин приобрел характер представления, на который охотно собирались эсэсовцы. Играла музыка, и прибывающие в лагерь, еще не зная о его „порядках“, весело сгружались. Однажды в присутствии Крамера и Гесслера подошел эшелон с мужчинами-югославами. Девушка, работавшая вместе с Валею, узнала среди прибывших своего отца. Девушка знала, что все заключенные этого транспорта должны сразу же пройти „огненный карантин“. С криком она бросилась к колючей проволоке. Отец, увидев дочь, обрадовался, замахал ей руками. Как же, такая неожиданная встреча после долгой разлуки. „Отец, отец!“ — девушка билась возле проволоки и, сшибленная палкой охранника, упала без чувств. Отец ушел в крематорий, так и не повидав больше своей дочери. После девушка-югославка

ходила с безумными глазами, и только чуткая товарищеская поддержка заключенных постепенно вернула ее к жизни.

VII

Кроме повседневных селекций, проводился еще общелагерный отбор „в камин“. То было своеобразной чисткой лагеря от заболевших, исхудавших и истощенных, неспособных уже к выполнению работ, выдумываемых администрацией лагеря. Такое мероприятие официально именовалось „генеральным апеллем“.

О проведении генерального апелля обычно узнавали накануне. Эсэсовцы собирались на совещание у Крамера, получали инструкции, обновлялись зондеркоманды, работавшие у кремационных печей и огненных ям, подготавливался транспорт. Члены „солидаритета“ приносили весть о генеральном апелле в бараки. „Держитесь! Поддерживайте заболевших, прячьте“.

Всю ночь перед генеральным апеллем люди не спали. Чтобы казаться более здоровыми, женщины выцарапывали кирпич из дымохода, натирали себе ще-

ки, мочили и разглаживали досками платье, кусали губы до крови. Прощались. Мутнела ночь, чуть рассветало. Лагерь наполнялся лаем собак, криками эсэсовцев, пронзительными свистками. Людей вышвыривали из бараков, шарили под койками и нарами, везде метались овчарки. Выстроенные на лагерштрассе заключенные стояли по нескольку часов. Краймер не спешил. Надо было утомить людей, добиться того, чтобы возбуждение спало. Тогда набиралось больше „материала“ для сожжения.

Представьте себе душевное состояние тысяч людей в такую минуту. Стоят колонны заключенных, окруженные эсэсовцами и собаками, стоят час, другой, третий. Наконец, где-то впереди началось. Блоки переделены колючими заборами. Ничего пока не видно. Но слышатся уже крики, смех сошедших с ума, редкие pistolетные выстрелы, шум автомобилей, отвозящих отобранных в специальный блок смерти—„блок № 25“, расположенный на окраине лагеря и обнесенный, в отличие от других блоков, кирпичным забором. Селекция еще не коснулась женского отделения. Еще ходят, постукивая каблуками, Грезе, Гас-

се, Дрекслер, заранее выбирая себе жертвы.

Вот Ирма останавливается перед русскими. Скользит ее пренебрежительный взор по лицам девушек. Она уже выбирает себе добычу. Но она опытна. Послать в крематорий—это избавление от страданий. Она решает сделать по-иному. Неудобных ей оставить в живых. Живому гораздо хуже, нежели мертвому. Ведь многие ждут смерти. Она намечает подопытных. Вот мать с двумя девочками. Надо сделать так: послать на сожжение кого-нибудь из них, из семьи. Какую девочку сильнее прижимает к себе дрожащая рука матери? Ага, вот эту. Бледненькую, стриженную двенадцатилетнюю дочку со слезами в больших, обведенных голодными кругами, глазах. Мать привезена из Белоруссии. Ее захватили в партизанском районе „заложником“. Вместе с ней захватили и двух дочек. Итак, решено. Вот эту, бледненькую, двенадцатилетнюю, с молящими глазами придется сжечь. Правда, она просит, чтобы пощадили мать. Она готова принять мученическую смерть. Но тем хуже. Отобрана девчонка. Гресе проходит мимо Вали и ловит ее

презрительный взгляд. Валя побледила, но стоит, гордо откинув голову, она не просит снисхождения. ¶ Такою не запугаешь огненной смертью. Пусть живет. Ее подруга—Тамара. Грезе помнит ее имя, но думает о ней, как о номере „58289“, нашитом на левой стороне рваного платья. Она давно заметила этих двух подруг. Когда их рез'единить? Сегодня? Пожалуй, не стоит. Гесслер предупредил ее, что за ними надо последить. Гесслер упрямо присматривается к Тамаре. Вчера „капо“ Гертруда, польская немка, надзирательница барака, принесла ксе-какие новости об этих двух девушках. Они, особенно эта чернобровая украинка „58289“, бранили Гертруду за то, что она пошла работать к „эсэсманкам“. Пусть пока поживут эти девчонки. Ведь в любую минуту они могут быть там, в крематориях.

— Что думала я тогда, видя близко возле себя эту ведьму?—вспоминает Валя.—Я никак не могла понять, как женщина может быть такой? Откуда у немцев такие женщины? Что это—временное явление или они всегда были такие? Я не красила щек, не кусала губы. Мне не хотелось, чтобы эсэсманки подумали,

что я трушу и стараюсь каким-то образом отсрочить за счет других свою участь. Я знала, весь мир не сожжешь. Есть же где-то армии, которые сражаются с гитлеровцами, есть заводы, делающие оружие, есть справедливость. Перед «генеральным апеллем» нам передали написанные на клочке бумажки слова товарища Сталина. Я верила, есть Москва, есть Кремль. Может быть, мне морально было легче тогда, чем тем же Ирме или Гассе, или Гесслеру...

VIII

..Открылась брама. Появились Крамер, Таубер, Клейн, Гесслер. К ним, мелькая икрами, обтянутыми чулками-паутинкой, направилась Грезе.

Присутствие Клейна несколько не означало, что в данном случае в какой бы то ни было мере пригодятся невеликие познания этого худого, с втянутыми щеками и кабаньей щетиной на голове „доктора“ Правда, справедливости ради, не следует умолчать о том, что Клейн занимался научными опытами над близнецами. Два подопытных близнеца, дети заключенной матери, как два кролика, подвергались различным исследова-

ниям. Второй экземпляр ребенка нужен был Клейну, как эталон. Клейн проводил свои изуверские опыты над близнецами так же, как его коллега Вебер использовал женщин для вивисекции, Шуман использовал молодых гречанок для экспериментов по стерилизации, Верст производил опыты над пятидесятилетними женщинами в поисках средств против рака.

Крамер производил селекцию по-своему. Если Таубер определял „в камин“ на-глазок („ком хер“), то Крамер обязательно заставлял раздеваться. заключенные раздевались по команде эсесманок, и затем каждая женщина проходила перед Крамером голая, держа в вытянутых над головой руках свое платье и обувь. Возле Крамера женщина должна была остановиться и повернуться по кругу. Кивок головы и еле заметное движение хлыста лагерфюрера решали судьбу несчастных.

Когда подошла очередь матери с двумя дочками, Ирма наклонилась к Крамеру, шепнула что-то. Хлыст лагерфюрера сделал движение, и девочку толкнули к группе отобранных женщин. Мать упала к ногам Крамера, просила его взять

и ее и вторую девочку „в огонь“. Эсманки оттащили женщину в сторону, а Таубер со всего маху ударил ее в лицо носком сапога. Селекция продолжалась.

Какое чувство должны были испытывать наши девушки, проходя голыми перед мерзавцами в эсэсовской форме. Здесь оскорблялось достоинство женщины. Можно ли подумать, что эти немцы, „хранители третьего рейха“, как они называли себя, тоже имеют матерей, имеют жен, детей, невест и любимых...

Я видел потом Крамера, Гесслера, Клейна, Грезе, Форстер и остальных пойманных англичанами эсэсовцев под конвоем военной полиции на пепелище концлагеря Берген-Бельзен. Я следил внимательно с пристрастием за каждым движением этих изловленных чудовищ, за выражением их лиц. Ведь они пришли на места, где их стараниями было уничтожено несколько десятков тысяч человек, где еще тянуло трупным запахом от рвов, где разыгралось столько человеческих трагедий. Мне хотелось найти в их лицах хотя бы тень раскаяния, испуга, тревоги, тень обычного, человеческого.

И вот, я не увидел ни тени раскаяния на этих тупых, озлобленных лицах. Мало того, Крамер с наслаждением вдыхал трупный воздух и улыбался, озирая свое страшное хозяйство...

Итак, генеральный аппель продолжался. Крамер поторапливал. Огобранные женщины были окружены эсэсманками. Здесь же стоял мотоцикл Борман. Старушка разгуливала, заложив руки за спину. В тот момент она удивительно была похожа на Геббельса. Это сходство, кстати, сохранилось и сейчас, на процессе.

Крамеру показалось, что селекция выявила мало пригодных для огненного крещения. Он что-то сказал Гесслеру. Этот пожилой, сутулый человек подобострастно поклонился и отдал приказания. В ворота прикатили большое бревно. Крамер и его спутники перекочевали ближе к воротам. Голых женщин заставили прыгать через бревно. Женщины бежали в колоннах, под свистки, удары палок и улюлюканье. Тех, кто не сумел перепрыгнуть, тех, кто падал при беге, или падал, уже перепрыгнув бревно, отбирали „в камин“. Иногда Таубер замечал, что женщина, перепрыгнув брев-

но, бежит к бараку с сияющим лицом. Таубер делал подножку. Женщина падала, и ее оттаскивали в группу для сожжения.

Женщины, собранные в блок № 25, кричали, сходили с ума, пытались выброситься в окна. Тяжелый дым заволакивал лагерь. Усиленно работали печи после генерального апелла. Женщины смертного блока ожидали очереди по нескольку суток. Крики не прекращались. Принесенный им суп выбрасывался в лицо эсэсовцам. Строптивых сжигали живьем.

Оставленных женщин повели работать на огороды. Красное зарево стояло над лагерем. От крематориев на поля подвозили теплый пепел для удобрения, насыпанный в прослоенные бумажные мешки емкостью в двадцать килограммов. Пепел рассеивался таким образом: на шею женщины, работавшей на огороде, надевался лоток, закрепленный на лямках. Из лотка пепел разбрасывался руками. Валя, когда-то решившая стать агрономом, разбрасывала руками теплый пепел сгоревших людей, может быть, ее подруг, еще недавно шепта-

ших ей свои мечты, веривших во что-то лучшее, веривших в избавление.

Это было самое страшное мое испытание. Это был удар в сердце,—сказала Валя,—тогда они у меня уничтожили смех...

IX.

Ночами заключенные тихо разговаривали друг с другом. За всеми разговорами следили „капо“, так называли заключенных, добровольно перешедших на должности низшей лагерной администрации. В блоке № 18, куда перевели Валью и Тамару, „капо“ была польская немка Гертруда, или Труда, как называли ее заключенные. Труда очень быстро усвоила принципы лагерной администрации. Не имея особых прав, она пользовалась своим положением старшей, чтобы обвешивать, обделять заключенных. Ничтожное количество выдаваемого маргарина и хлеба она присваивала. К Труде в ее комнату повадился блокфюрер, немец, эсэсовец. Первая возмутилась поведением Труды Тамара. Она хотела с ней об'ясниться по-человечески.

Труда оттолкнула Тамару.

— Иди, иди к чорту. Хочешь „в камин“? Возмущенная Тамара крикнула ей:

— Ты живешь с эсэсманом! Какой позор!

Труда ничего не ответила Тамаре и тихо вышла из блока.

Через полчаса пришли Таубер и Гесслер. Тамара стояла перед ними в рубище, в обуви-колодках. Глаза ее горели. „Какая она была тогда гордая и красивая“, — вспоминает Валя.

— Ты видела того, кто приходил к Труде? — спросил Гесслер.

— Видела.

— И ты можешь указать его?

— Могу.

— Пойдем.

— Тамара! Вернись! Не ходи! — К ней бросилась Валя, почуяв недоброе в тоне голоса „папаши“ Гесслера.

Нет, я пойду, — сказала Тамара!

Они ушли, и больше Тамара не вернулась. Выскочившая за ней Валя видела, как Таубер и Гесслер приблизились к тому блоку, где работал любовник Труды. Гесслер вызвал блокфюрера. Тамара подняла руку и, указывая на него, сказала: „Вот он. Он ходит к Труде“. Тогда к ней приблизился осто-

рожными шагами Гесслер, вынул пистолет и на отмашь, двумя ударами рукоятки проломил ей голову...

Х.

Так была убита Гесслером советская гордая девушка Тамара Ермаченко. Понятно чувство многих узников концлагерей, требующих решительного суда над преступниками. Понятно поведение Вали Кутиловой, просившей послать ее свидетелем на Люнебургский процесс. Еще свежи раны сердца, еще не вернулась уничтоженная крамероподобными мерзавцами улыбка на лицах страдалиц.

Четыре тысячи с лишним освобождены только из Бельзенского лагеря наших советских граждан. Многие тысячи наших граждан погибли только в концлагере Берген Бельзен.

Крoвь их зовет к отмщенью. Поэтому естественно чувство советских людей, требующих справедливого возмездия палачам, бежавшим от Красной Армии в Бельзен.

Тяжело писать о нечеловеческих страданиях узников фашистских людоедов. Более важные задачи может найти сейчас перо советского писателя. Пусть не

упрекнет меня в этом читатель. Пусть не упрекнет меня мать Тамары Ермаченко в том, что я рассказал трагическую историю гибели ее хорошей дочери.

Наш высокий дух, наши страдания и муки, наша нестигаемая воля спасли человечество.

Пусть появится улыбка на лице Вали Кутиловой, пусть разгладится складка скорби на ее высоком лбу.

Крамеры и Грезе, как черви, копошиться пока еще в своем зловонном прошлом.

Но скоро они будут раздавлены.

Возмездие пришло! Человечество должно быстрее освободиться от гитлеровской нечисти и вымыть руки.

ГЕРМАНИЯ, ДРЕЗДЕН.

Октябрь 1945 г.

Ответ. редактор Н. И. СТРАХОВ.

Техн. редактор Г. М. ГОРЕНШТЕЙН.

ФЛ09146. Заказ 3282. Объем 1,25 п. л. Тираж 5000.

Типо-литография издательства «Сталинское знамя»
Москва, ул. Кирова, 65.